

СТО ВЕРСТ ПО РЕКЕ

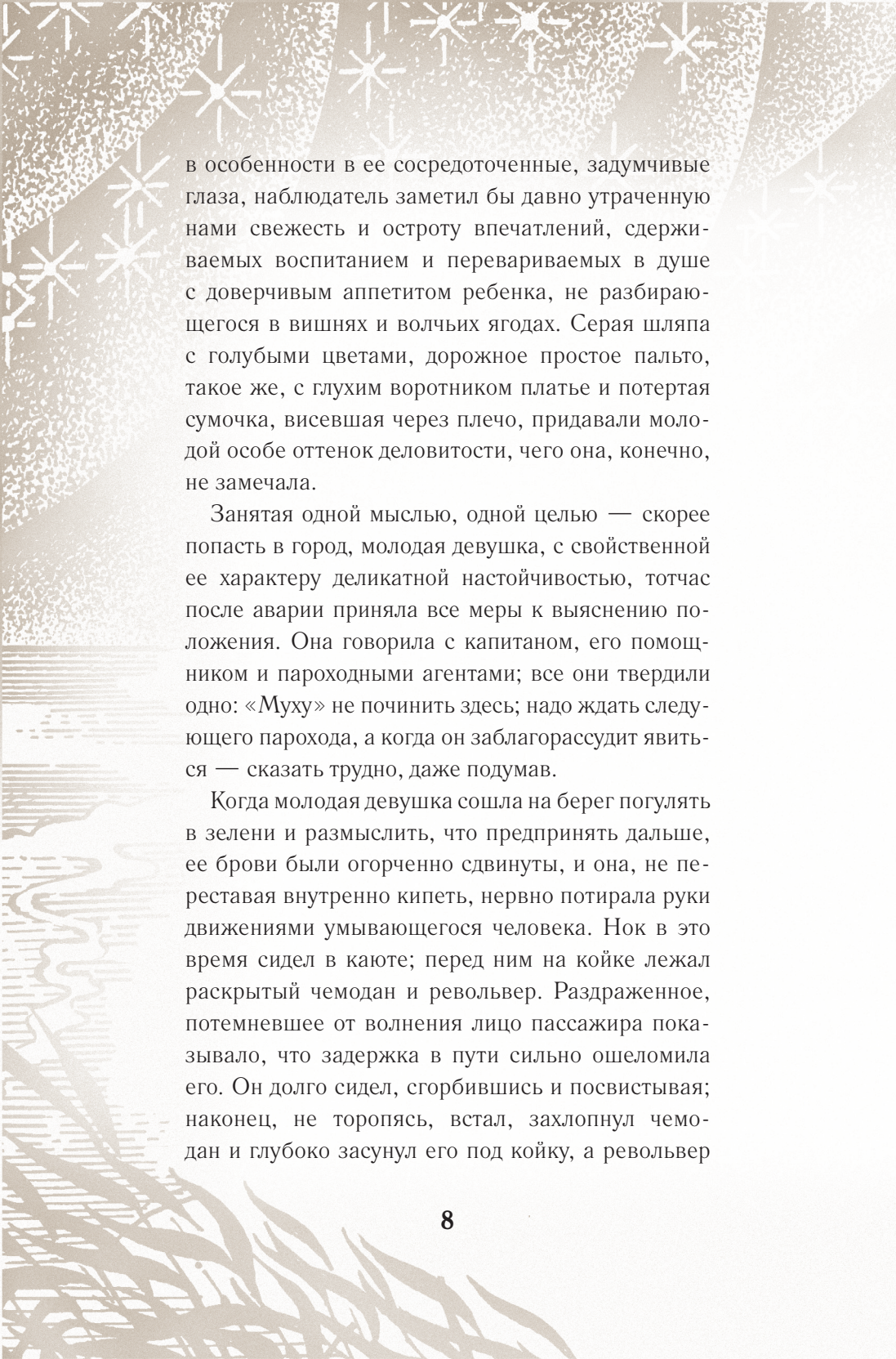
I

Взрыв котла произошел ночью. Пароход медленно повернул к берегу, где погрузился килем в песок, вдали от населенных мест. К счастью, человеческих жертв не было. Пассажиры, проволновавшиеся всю ночь и весь день в ожидании следующего парохода, который мог бы взять их и везти дальше, выходили из себя. Ни вверх, ни вниз по течению не показывалось никакого судна. По реке этой работало только одно пароходство и только четырьмя пароходами, отходившими каждый раз по особому назначению, в зависимости от настроения хозяев и состояния воды: капризное песчаное

русло, после продолжительного бездождия, часто загромождалось мелями.

По мере того, как вечер спешил к реке, розовея от ходьбы, порывисто дыша туманными испарениями густых лесов и спокойной воды, Нок заметно приходил в нервное, тревожное настроение. Тем, кто с ним заговаривал, он не отвечал или бросал отрывисто «нет», «да», «не знаю». Он непрерывно переходил с места на место, появляясь на корме, на носу, в буфете, на верхней палубе, или сходя на берег, где, сделав небольшую прогулку в пышном кустарнике, возвращался обратно, переполненный тяжелыми размышлениями. Раза три он спускался в свою каюту, где, подержав в руках собранный чемодан, бросал его на койку, пожимая плечами. В одно из этих посещений каюты он долго сидел на складном стуле, закрыв лицо руками, и, когда опустил их, взгляд его выражал крайнее угнетение.

В таком же, но, так сказать, более откровенном и разговорчивом состоянии была молодая девушка, лет двадцати — двадцати двух, ехавшая одна. Встревоженное печальное ее лицо сотни раз обращалось к речным далям в поисках благодетельного пароходного дыма. Она была худощава, но стройного и здорового сложения, с тонкой талией, тяжелыми темными волосами бронзового оттенка, свежим цветом ясного, простодушного лица и непередаваемым выражением слабого знания жизни, которое восхитительно, когда человек не подозревает об этом, и весьма противно, когда, учитывая свою неопытность, придает ей вид жеманной наивности. Вглядевшись пристальнее в лицо девушки,

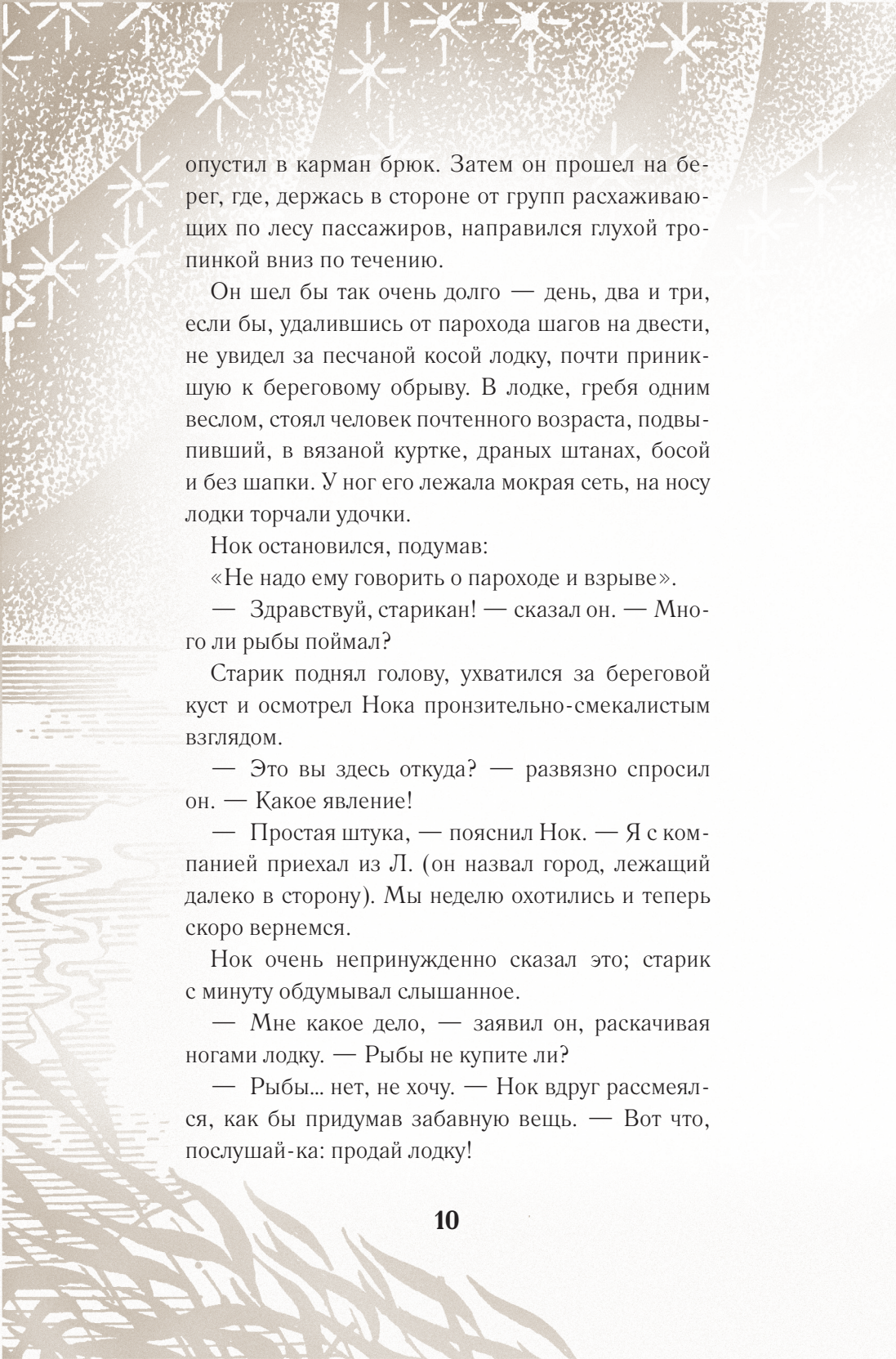

в особенности в ее сосредоточенные, задумчивые глаза, наблюдатель заметил бы давно утраченную нами свежесть и остроту впечатлений, сдерживаемых воспитанием и перевариваемых в душе с доверчивым аппетитом ребенка, не разбирающегося в вишнях и волчьих ягодах. Серая шляпа с голубыми цветами, дорожное простое пальто, такое же, с глухим воротником платье и потертая сумочка, висевшая через плечо, придавали молодой особе оттенок деловитости, чего она, конечно, не замечала.

Занятая одной мыслью, одной целью — скорее попасть в город, молодая девушка, с свойственной ее характеру деликатной настойчивостью, тотчас после аварии приняла все меры к выяснению положения. Она говорила с капитаном, его помощником и пароходными агентами; все они твердили одно: «Муху» не починить здесь; надо ждать следующего парохода, а когда он заблагорассудит явиться — сказать трудно, даже подумав.

Когда молодая девушка сошла на берег погулять в зелени и размыслить, что предпринять дальше, ее брови были огорченно сдвинуты, и она, не переставая внутренне кипеть, нервно потирала руки движениями умывающегося человека. Нок в это время сидел в каюте; перед ним на койке лежал раскрытый чемодан и револьвер. Раздраженное, потемневшее от волнения лицо пассажира показывало, что задержка в пути сильно ошеломила его. Он долго сидел, сгорбившись и посвистывая; наконец, не торопясь, встал, захлопнул чемодан и глубоко засунул его под койку, а револьвер

опустил в карман брюк. Затем он прошел на берег, где, держась в стороне от групп расхаживающих по лесу пассажиров, направился глухой тропинкой вниз по течению.

Он шел бы так очень долго — день, два и три, если бы, удалившись от парохода шагов на двести, не увидел за песчаной косой лодку, почти прикинутую к береговому обрыву. В лодке, гребя одним веслом, стоял человек почтенного возраста, подвыпивший, в вязаной куртке, драных штанах, босой и без шапки. У ног его лежала мокрая сеть, на носу лодки торчали удочки.

Нок остановился, подумав:

«Не надо ему говорить о пароходе и взрыве».

— Здравствуй, старикан! — сказал он. — Много ли рыбы поймал?

Старик поднял голову, ухватился за береговой куст и осмотрел Нока пронзительно-смекалистым взглядом.

— Это вы здесь откуда? — развязно спросил он. — Какое явление!

— Простая штука, — пояснил Нок. — Я с компанией приехал из Л. (он назвал город, лежащий далеко в сторону). Мы неделю охотились и теперь скоро вернемся.

Нок очень непринужденно сказал это; старик с минуту обдумывал слышанное.

— Мне какое дело, — заявил он, раскачивая ногами лодку. — Рыбы не купите ли?

— Рыбы... нет, не хочу. — Нок вдруг рассмеялся, как бы придумав забавную вещь. — Вот что, послушай-ка: продай лодку!

— Я их не сам делаю, — прищурившись, возразил старик. — Мне другую лодку взять негде... К чему же вам эта посудаина?

— Так, нужно выкинуть одну штуку, очень веселую. Я хочу подшутить над приятелем; вот тут нам лодка и нужна. Я говорю серьезно, а за деньгами не постою.

Рыбак протрезвел. Он хмуро смотрел на приличный костюм Нока, думая — «и все вот так, сразу: никак не дадут подумать, обсудить, неторопливо, дельно»... Он не любил, если даже рыбу покупали с двух слов, без торга. Здесь отлетал дух его хозяйственной самостоятельности, так как не на что было возражать и не о чем кипятиться.

«А вот назначу столько, что заскрипишь, — думал старик. — Если богат, заплатит. Назад я, видимо, отправлюсь пешком, а о моей второй лодке, тебе, идиоту, знать нечего. Допустим! Деньги штука приятная».

— Пожалуй, лодку я вам за пятьдесят рублей отдам (она стоила вчетверо меньше), так уж и быть, — сказал рыболов.

— Хорошо, беру. Получай деньги.

«Я дурак, — подумал старик. — Собственно, что же это такое? Является какой-то неизвестный сумасшедший... — „Пятьдесят? — Пятьдесят!“... — он кивнул, а я вылезай из лодки, как из чужой, в ту же минуту. Нет, пятьдесят мало».

— Я того, раздумал, — нахально сказал он. — Мне так невыгодно... Вот сто рублей — дело другого рода.

У Нока было всего 70–80 рублей.

— Мошенник! — сказал молодой человек. — Мне денег не жалко, противна только твоя жадность; бери семьдесят пять и вылезь.

— Ну, если вы еще с дерзостями, — никакой уступки, ни одной копейки, поняли? Я, милый мой, старше вас!

Гелли в эту минуту расхаживала по берегу и случайно проходила мимо кустов, где стоял Нок. Она слышала, что кто-то торгует лодку, и сообразила, в чем дело. Обособленность положения была такова, что покупать лодку имело смысл только для продолжения пути. У девушки появилась тоскливая надежда. Человек, взявший лодку, мог бы довести и ее, Гелли.

Решившись, наконец, высказать свою просьбу, она направилась к воде в тот момент, когда торг, подогретый, с одной стороны, вином, с другой — раздражением, принял подобие взаимных наскоков. Нок, услышав легкие шаги сзади, мгновенно оборвал разговор: старик, увидев еще людей, мог задуматься вообще над будущим лодки, а человек, шедший к воде, одной случайной фразой мог выдать пьянице всю остроту положения множества пассажиров, среди которых старик нашел бы, разумеется, людей сговорчивых и богатых.

Нок сказал:

— Подожди-ка здесь, я скоро вернусь.

Он торопливо скрылся, желая перехватить идущего как можно далее от воды. При выходе из кустов Нок встретился с Гелли, застенчиво отводящей рукой влажные ветви.

«Да, женщина, — бросил он себе с горечью, но и с самодовольством опытного человека, глубоко

